

Встреча для вас

Я всегда искала

СМ. - Рига - 1992. - 214025

ЧТО-ТО НОВОЕ...

Лариса Мондрус. Кажется, эта латышская эстрадная певица первой стала звездой союзного масштаба, вспыхнувшей ярко и исчезнувшей с нашего небосвода, оставив след воспоминаний и легенд. Почти через двадцать лет живая легенда вновь явилась в Риге, и она оказалась молодой, обаятельной, романтической и... деловой женщиной.

- С возвращением вас, Лариса! Я тут занялась арифметикой и получила две интересные цифры. Если сложить три года ваших выступлений в Риге, восемь лет работы в Москве и еще девять - в Мюнхене, выходит 20 лет. Но почти столько же вы не видели ни Риги, ни Москвы. И ведь когда вы стали петь в РЭО, вам исполнилось всего 18?

- Да, я окончила обычную школу и с 62-го года начала работать в Рижском эстрадном оркестре. И там я познакомилась со своим будущим мужем Эгилем Шварцем, он был дирижером РЭО.

- Но в самостоятельности-то, как водится, вы участвовали?

- О, в самостоятельности я с детского садика.

- А первое публичное выступление не помните?

- Нет, но помню, что очень любила петь на иностранных языках. В то время были популярны Лолита Торрес, Ив Монтан. Я слушала пластинки и повторяла. И сколько себя помню, никогда не нравились "советские" песни. Этот пафос, манера исполнения. В то время мне нравилась Пьеха, она была такого западного склада. А "комсомольская" песня!.. Для меня это было грубо, мне казалось, что у них даже язык русский такой кондово-бумажный. Не потому что он сухой, а просто примитивный. Мне всегда нравились лирические песни, красивая музыка и, конечно, поэтические тексты.

- А что из вашего собственного репертуара - помимо "Синего льна", конечно - вы особенно любите?

- "Озерный край", тоже Раймонда Паулса: "Замер в поднебесье гомон птичьих стай..." Потом "Солнечная баллада" Лучкина и Поклакова. Мне всегда нравились такие настроенческие песни, как "Неужели это мне одной" Портнова - моя "визитная карточка".

- В Риге вы пели на латышском?

- И на латышском, и на русском. Записала пластинку на латышском языке. У меня и латышские, и русские корни. Так что и в плане музыкальном в этом отношении никаких проблем не было. Мы уехали в надежде, что все эти дразги, мелочи, которые нас раздражали, закончатся.

- Вы говорили, что и сами, и Эгил не могли ужиться с тогдашним директором нашей филармонии - Швейником. В чем, если не секрет, была причина? Вы, насколько я понимаю, никогда не были "послушной девочкой".

- Я не хочу вдаваться в эти подробности, да еще в газете. Мы тогда были молоды и возмущались: что вообще этот старик от нас хочет и как он может нами командовать, что мы должны петь и что делать?! Или имеют ли право музыканты после концерта, в двенадцать часов ночи, в своей комнате выпить рюмочку после такой тяжелой работы...

- А в профессиональном плане вы были довольны жизнью?

- Публика меня принимала великолепно, ни один концерт не проходил без большого успеха. Но мои программы в Латвии кромали всегда. Без конца собирались какой-то худсовет, который половину моего репертуара (а ведь за репертуаром кроется столько работы) вдруг отсеивал, и надо было в последнюю минуту перед гастролями опять что-то искать. Но тогда у меня было еще очень много сил бороться. И мы решили, что единственное спасение - это уехать в Москву. В те времена в Москве собирались все, кто чего-то добился на своей родине. В 65-м мы появились в Москве, где Эгил знали все на радио, потому что он в Риге уже несколько пластинок симфонических записал и его музыка всегда отличалась хорошим качеством и профессионализмом. Началось все хорошо и очень стремительно в Москве. Мы записали много новых песен. Нас окружали в Москве исключительно интересные люди, мы занимались любимой музыкой. И потом, где-то до начала 70-х, было еще время "оттепели", меня перестали "доставать", я могла петь песни, которые мне нравились. Даже записала несколько на итальянском, чешском и польском языках. Это потом очень уж сжали кольцо. А первое время в столице было великолепным. Сначала работала в оркестре Эди Рознера и Олега Лундстрема. Во время гастролей в Волгограде вдруг заболела знаменитая Эльмира Уразбаева, и мне предложили выступить вместо нее с концертом. К моему удивлению, билеты никто не сдал. Так и начались мои сольные концерты. Ладил и дружил с Иосифом Кобзоном, хотя мне не нравилось, что он поет. Муслим Магомаев - для меня светлое пятнышко в то время. Эдита Пьеха, ленинградка Мария Пахоменко... А вообще, в Москонцерте мне говорили всегда со страхом: у тебя там, наверху, есть кто-то, кто тебе очень мешает. И я ни у кого никогда не могла

добиться, кто же это. А узнала я только много лет спустя.

- Так кто же?

- Фурцева.

- Министр культуры! Что же вы такого сделали?

- Она меня очень невзлюбила. За что, не имею понятия. Может, я вела себя не так, как другие (меня, кстати, в этом всегда упрекали). Обо мне писали - "безголосая Мондрус"! А мне это было так обидно и больно, уж что-то, но голос... И ведь я не претендовала на то, чтобы быть оперной певицей, исполнять арии. Я шла на эстраду, а эстрада должна дышать по-другому, иметь совершенно другие краски.

- Что ж, "безголосый" Бернес, "безголосые" Утесов, Шульженко... Обычное дело. Хорошая компания...

- А в этой "безголосости" их шарм, их визитная карточка, личность. А особо часто мне говорили: вот "без царя в голове". Заставляли петь комсомольские песни.

- Пели?

- А как же, конечно! Меня просто на сцену не выпускали, если я не начинала ими свое выступление, не отдавала дань "идеологии". Так я хоть выбирала такие песни, времен войны, как "Темная ночь". Мне давали план, и я должна была подписывать этот план на год вперед. Каждый месяц по 50-60 сольных концертов. Для меня было нормой выступить в шесть часов вечера, потом небольшой перерыв и в девять - следующий концерт. В общем, на измор. И часто я оставалась без голоса, и это мне было очень больно.

- Итак, вы решили, что надо уезжать.

- Это был 73-й, когда очень многим давали возможность уехать. Мы знали, что по крайней мере с голоду мы там не умрем. Эгил сказал: "Знаешь, не пропадем. Не важно, что будем делать, но хочется попробовать другой жизни".

Так мне все здесь опостыло, что только скорее из этой страны! Нет, тогда я ни о Латвии не думала, ни о Москве не переживала. Меня интересовала моя личная жизнь.

- Насколько "там" оправдались ваши ожидания?

- Через Вену мне удалось поехать в Мюнхен. Муж устроился корреспондентом на радиостанции "Свободная Европа". Я думала, что пойду на какие-то дискотеки. Первые шаги сделаю даже на таком уровне. Не получилось, потому что, оказывается, когда тебя не знает никто, тогда и в дискотеку не пригласят. Короче, с первого дня я вынуждена была смириться с тем, что я должна забыть, кем я была. Все с нуля, надо доказывать все заново. Всем понравилось, как я пою "живьем", без микрофона. И фирма "Полидор" заинтересовалась, решила попробовать сделать со мной пластинки. И потихонечку там пластинка вышла, там телевизионное выступление, там выступление на радио со Штутгартским оркестром, потом с Гамбургским... Потом дискотеки подошли, открытые концерты. Летом - курортные места, где люди отдыхали. И хорошие, нормальные сцены, как Театр эстрады в Москве.

А потом я сделала себе такое имя, что и все директора залов на радио, и любители, и профессионалы меня знали. И приглашали вновь и вновь. Говорили, что могу петь в любое время дня и ночи.

- А до вас доходили ужасные сведения, что Мондрус поет в кабаках, чуть ли не на столе...

у меня было плохого здесь, стерлось в памяти. И естественно, все больше хотелось увидеть родителей и брата. А мама рассказывала: в ОВИРе ей обещали, что мы с ней никогда не увидимся. И 15 лет не встречались. Маму исключили из партии, причем очень "общественно", очень громко и некрасиво. Но я ее успокаивала: зачем тебе нужна эта партийность?

- Расскажите о своем новом деле, о магазине, как вы решились на это?

- Знаете, мы с Эгилем в своей жизни так много и так часто рисковали... Меня всегда тянуло к чему-то новому. Хотелось просто деньги зарабатывать, мы привыкли уже к хорошему уровню жизни. И вот восемь лет назад открыла в зеленом respectable районе Мюнхена магазин итальянской обуви. Все идет довольно неплохо.

- У вас большой "коллектив"?

- Есть две продавщицы, а дела ведем мы с мужем. Для того чтобы дело было рентабельно, очень много надо делать самим. Я не брезгую прийти на работу и пропылесосить свой магазин, почистить все зеркала, декорацией заниматься...

- А здесь ваш магазин открыт...

- На Марияс, уже месяц. Приехала посмотреть. Фирма наша называется "Касарт": "касса" - по-итальянски - дом, "арт" - художество.

- Вы не были почти 20 лет здесь. Что вы увидели? Что почувствовали?

- Ощущение, как будто я встретилась с близким человеком. Но что кривить душой, конечно, когда я оставляла Ригу, здания были красивее. А сейчас - подворотни все без лампочек, будто кто вредит. Казалось бы, ведь ты живешь здесь, как же можно так, в своем доме? Но многое, наверное, по бедности. У людей денег не хватает на все, отсюда, может быть, и уровень культуры. Одеты все очень хорошо, я даже удивляюсь, как вы ухитряетесь - на такие небольшие деньги. Но очереди за хлебом стоят! Хлеб тебе каждый день надо поставить на стол. И чтобы это было то главное, чем сейчас люди занимаются, - конечно, очень печально.

Я не знаю, каким образом все здесь развалилось. А с другой стороны, культурная жизнь очень разнообразна и богата.

Знаю, я уеду, а вы остаетесь здесь, и вам все расхлебывать... Только не надо больше экспериментировать. Мне бы хотелось пожелать всем большого мира и, конечно, не терять терпения. Какая там поднятость духа, когда надо думать о том, что сегодня вечером кушать! Полки пустые в магазинах, все это для меня выглядит хуже, чем 20 лет назад.

- С кем вы успели здесь встретиться из старых своих знакомых?

- У меня очень мало времени. Но с Раймондом я повидалась.

- Не шла ли речь о возможности будущего вашего сольного, а может, даже совместного с Паулсом концерта?

- Нет, конкретно на эту тему мы не говорили. Не знаю, реально ли. Сейчас на девять дней оставила дома сына, и так его рядом не хватает, моего мальчика.

- Успехов и вам спасибо за беседу!

Ее вела

Наталия МОРОЗОВА.
НА СНИМКЕ: Лариса
МОНДРУС.

ТРЕТИЙ РИМ

193

Боровицкий холм.
19-й век.

Давно пишу в "МК" о Москве под рубрикой "Третий Рим", не объясняя ее глубокий смысл. Кажется, что это поэтическая метафора. Но не так все просто. Под первым Римом подразумевается не Вечный город с Колизеем, где христиан бросали на растерзание львам, а город святого Петра, ставший в конечном итоге столицей христиан. В глазах русских книжников город пал при случившемся 1000 лет назад разделении Вселенной церкви на православную и римско-католическую.

Вторым Римом слыл Константинополь, оплот православных тысяч лет. От его великого прошлого сохранились под землей цистерны водопровода. А на земле — отуреченная колоссальная София, обелиски, руины стен, не спасшие от мусульман столицу Византии, ставшую Стамбулом.

Третьим Римом православные стали считать Москву после брака Ивана III с племянницей последнего императора Византии Константина XI, погибшего при штурме столицы. Двуглавые орлы павшей Византии свили гнездо на башнях Кремля. Иван III построил дошедшие до нас великолепные соборы и стены города. При нем Первопрестольная и Белокаменная стала столицей могучей державы. В послании ученого монаха, старца Филофея, об этом впервые определенно сказано в крылатых словах: "...два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не быть". В сущности, так в конце XV века сформулирована была национальная идея, вдохновлявшая государей и зодчих, которым поручалось украшать Москву по образу и подобию Рима и Царьграда — Константинополя.

Что общего между ними?

Семи холмов!

О семи холмах Рима говорят каждому приезжему, ведя первым делом на Капитолийский холм, где в недавние годы жила в клетке волчица. Она напоминала о легенде, согласно которой Вечный город основали близнецы Ромул и Рем, вскормленные молоком волчицы. Знаменитые холмы Рима — Квиринальский, Палатинский, Ватиканский и все другие украшены лестницами, дворцами, храмами.

Войдя в Босфор, с палубы кораблей видишь как на ладони силуэты холмов с исполинскими мечетями и минаретами, нацеленными в небо, как межконтинентальные ракеты.

"Наличие в ландшафте Константинополя семи холмов, подобно Риму, воспринималось настолько важной чертой, что записано во всех сказаниях об основании города и даже стало причиной одного из его распространенных названий — Седмихолмный", — подчеркивает недавно умерший теоретик архитектуры Михаил Кудрявцев, автор монографии "Третий Рим". Как аксиома, не требующая доказательства, выглядит его тезис — "Подобно первому и второму Риму Москва XVI—XVII веков встала на семи холмах".

В этом сомневаются географы и историки. Не сомневались поэты.

Федор Глинка в хрестоматийном стихотворении "Москва" писал:

Опоясан лентой пашен,

Весь пестреешь ты в садах...

Сколько храмов, сколько башен,

На твоих семи холмах.

Другой поэт пушкинских времен, Иван Филлимонов, сравнивает Москву с "семихолмным городком" Константинополем, с которым к тому времени она могла поспорить и числом палат, и числом храмов, и числом башен.

В хор поэтов прошлого вошел в начале XX века голос Марины Цветаевой, обожавшей, как никто другой, родной город:

Семи холмов — как семь колоколов,

На семи колоколах — колокольни.

Все с учетом — сорок сороков, —

Колокольное семихолмие!

Когда Москва укладывалась в стенах Кремля и Китай-города, в летописях о семи холмах не упоминали. Но когда Первопрестольная разрослась, оказалось, что многие улицы карабкаются по холмам, увенчанные храмами и колокольнями "сорока сороков".

В числе ученых мужей на семи холмов обратил внимание Ломоносов в XVIII веке. В первой половине XIX века "разысканием холмов" занимались известные московские историки Михаил Погодин, Иван Снегирев, издатель "Библиотеки для чтения", востоковед Юлиан Сенковский, писавший под псевдонимом барон Брамбеус. Этим делом заинтересовался

Склон Сретенского холма — Кузнецкий мост.

ХОЛМАХ

сценической площадкой Васильевский спуск ведет к Москве-реке. Его подъем послужил тормозом воздушному хулигану Матиасу Русу, когда тот посадил самолет у Красной площади.

На Боровицком холме стоят и Кремль, и Китай-город. Горбатые переулки с Варваркой прежде спускались с домами к реке. На их месте одна гостиница "Россия".

2. **Тверской холм** называют Страстной горкой. По этому холму карабкается Тверская улица. На вершине прежде стояла колокольня Страстного монастыря. Его, как и башню, сломали при Сталине. На освободившееся место передвинули памятник Пушкину с Тверского бульвара.

3. **Сретенский**, или Сухаревский, холм. По его склону скатываются старинные переулки к Неглинной. Крутой подъем у Трубной площади ведет на вершину холма, где возвышались Сухарева башня, Красные ворота и церковь Успения на Покровке. Все эти уникалы разрушены при Сталине, обещавшем протестующим, что советский народ построит "более величественные и достопамятные образцы архитектурного творчества, чем Сухарева башня".

4. Четвертый холм советская энциклопедия "Москва" называет **Таганским** и Швивой горкой. Летописец Москвы Иван Забелин без обиняков — Швивой горкой. Но она лишь часть крупного холма. "Таган" означает по-тюркски гора, холм, вершина горы. Склон Таганской горы к северу называется Лыщикова гора, по нему проходит Лыщиков переулочек.

Швивая, или Швивая, горка — другой склон. Что за странное название? По всей России, оказывается, встречаются горки, реки, озера, овраги с эпитетом "швивый", что значит место пустое, не имеющее хозяйственного значения. О чем-то безнадежном говорят — "швивое дело". Эпитет "швивый" придумали лицемерные краеведы, увязав его с жившими на холме "швецами", портными. Швивая горка поднимается от Явзы к Таганской пло-

Вершина Тверского холма. 20-е годы 20-го века.

велосипедистов, бравших власть в 1917 году. На этой улице сохранилась церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы.

На холме за оградой утопает в зелени Введенское (Немецкое) кладбище. В его земле покоятся знаменитый доктор Гааз, Патрик Гордон, генерал и адмирал Петра, многие "немцы", служившие царям. В их числе помянутый профессор Фишер фон Вальгейм и русские люди, бывшие с иностранцами в родстве и без родства, как художник Виктор Васнецов, архитектор Константин Мельников, актриса Алла Тарасова.

6. **Трехгорный** холм из Трех гор трудно различим под гнетом каменных строений. Подножие его омывают русла Москвы-реки и Пресни, еще одной реки, текущей под ногами прохожих. "Горы и холмы Москвы суть высокие берега ее рек" — так коротко и ясно определил их Иван Забелин.

Мимо крыльца "МК" улица 1905 года идет под гору и упирается в воду, куда не раз, проливив каменный парадет, падали разогнавшиеся машины. На этом холме — Трехгорная мануфактура, церковь Николая Чудотворца на

дов, чистый воздух, широкая река под горой, заросшей лесом...

Сюда после смерти Сталина Хрущев переселился из Кремля соратники по Политбюро. И сам здесь жил, до того как пал жертвой бескровного заговора, редкого в отечественной истории. И Горбачев здесь радовался жизни. Деревня эта, где был построен коммунизм, благоденствует и сегодня за каменным забором в гуще зелени. На горе — "кремлевская" больница, где я однажды навещал в палате, похожей на номер гостиницы, Марию Петровну Шолохову.

На вершине Воробьевых гор после Победы начали строить высотное здание, одно из 8 задуманных как наш ответ американским небоскрегам. Во время беседы с вновь назначенным ректором МГУ, который пожаловался главе партии и правительства на тесноту в старых зданиях на Моховой, Сталин предложил одну из высоток университету. Любую. Выбор пал на то здание, которым занимался на юго-западе Борис Иофан. Он создал гениальный проект колоссального здания, в плане буквой "Ж". Это самое крупное строение Москвы XX века. Под его шпилем актовый зал и Дом культуры, факультеты, ректорат, Музей землеведения, магазины, столовые, общежития, квартиры преподавателей, и все под одной крышей.

Фасад здания утвердил Сталин. И он же распорядился передать реализацию проекта другому архитектору, когда автор не пожелал строить там, где предписал в силу объективных причин куратор проекта Лаврентий Берия. Вдали от бровки Воробьевых гор все его видят сегодня. Видят, словно проваленным за горизонт.

Такие семь холмов Москвы. Размышляя по поводу 800-летия Москвы, оказавшийся в изгнании Иван Шмелев писал: "Есть древние города, молчаливо накапливающие в себе эти природно-исторические и исторически-религиозные вехи... Их Кремль и соборы суть живые, раз навсегда всенародно вознесенные молитвы. И самые холмы их — не то дары при-

роды, не то могильные курганы, не то крепкие символы государственной власти — говорят о бывшем, как о сохранившемся навек".

Что касается первого Рима, то его холмы, пострадавшие от варваров, украсились при христианах храмами и дворцами. Им ничто не угрожает. Во втором Риме захватчики разграбили Софию, превратили в овощехранилища храмы, уничтожили все, что им не понадобилось. Третий Рим претерпел от большевиков, как от вандалов.

На Боровицком холме Сталин разрушил треть Кремля. Прошелся катком по Китай-городу. На Сретенском холме нет Сухаревой башни, Красных ворот, Успения на Покровке. На вершине Тверского холма сломан Страстной монастырь, все церкви на улицах. На площади, кроме памятника Пушкину, смотреть нечего. На развороченном Таганском холме — потоки машин. Тем, кто стремится в Москву, там опасно ходить. На Лефортовском холме во дворцы времен Петра и Екатерины не войдешь. На Трехгорном холме установлена композиция в честь революции 1905 года. В скве-